

УДК 930.1.09

В.И. Турнаев

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ 25 НОЯБРЯ 1741 г. И НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

В статье исследуются начальные этапы истории национального движения в Петербургской академии наук – причины выдвижения на роль лидера А.К. Нартова, содержание его заявления в Сенат, социальный и национальный состав коалиции, образовавшейся против директора академической Канцелярии И.-Д. Шумахера, мотивы участников движения, некоторые эпизоды конкретного развития событий до момента отстранения иностранцев от управления Академией и перехода власти к русским.

Тема, вынесенная в название статьи, не является новой. О государственном перевороте 1741 г. и связанном с ним национальном движении в Академии наук уже писали [1. С. 33–44; 2. С. IV–XVII; 3. С. 154–156; 4; 5. С. 46–50; 6. С. 24–27]. Однако, несмотря на интерес, проявленный к теме, последнюю нельзя отнести к числу достаточно изученных. В частности, вопросы возникают, когда речь заходит о начале движения, причинах выдвижения на роль лидера А. К. Нартова, содержании требований, выдвинутых на начальных этапах движения его лидерами, социальном и национальном составе коалиции, образовавшейся против директора академической Канцелярии И.-Д. Шумахера, мотивах участников движения, некоторых эпизодах конкретного развития событий до момента отстранения иностранцев от управления Академией и перехода власти к русским. Их освещение в специальном исследовании представляется оправданным, так как позволяет составить более полную и точную картину тех далёких событий.

После смерти императрицы Анны политическая обстановка в стране становилась всё более напряжённой — озлобление против иностранцев нарастало [2. С. I–IV]. В Академии, где иностранцам принадлежали главные позиции, стали происходить симптоматичные перемены. 16 февраля 1741 г. неожиданно запросил «абшид» Л. Эйлер, недавно подписавший новый контракт на пять лет [7. С. 572–573]. Объясняя поспешность, с которой он засобирался в Германию, учёный писал: «После кончины достославной императрицы Анны, при последовавшем тогда регентстве, дела (иностранцев. – В. Т.) стали идти плохо...» [8. С. 17]. Вслед за Эйлером добился отставки и уехал в Германию И.-Г. Дювернуа, также опасавшийся становившегося явным недоверия русских иностранцами. Учёный покинул Петербург одновременно и вместе с Эйлером, о чём последний сообщал в письме к Д. Полюни от 10 марта 1742 г. [9. С. 265]. 27 апреля 1741 г. директору «механической экспедиции» А. К. Нартову был пожалован чин коллежского советника [7. С. 317]. Выполняя распоряжение Сената, в приказе по Академии Шумахер распорядился: установить «советнику» оклад «против советников ино-

земцев по тысяче ...двести рублёв на год» [7. С. 701]. За необычной формулировкой («против советников иноземцев») скрывался глубокий смысл.

Выдающийся инженер-изобретатель, А. К. Нартов вступил в штат Академии в 1735 г., когда было принято решение о передаче последней инструментов и машин из бывшей мастерской Петра I [Андрей Константинович Нартов (1693–1756) родился в Москве, по всей видимости, в семье ремесленника-токаря. С раннего возраста проявил интерес к делу, которым занимался его отец, и тоже посвятил ему всю свою жизнь. Начав свой путь в токарной мастерской при Навигацкой школе, он затем, после знакомства с Петром I, переезжает в Петербург и фактически становится одним из сподвижников великого реформатора. С целью расширения и совершенствования познаний в области, которой Нартов себя посвятил, его по личному распоряжению царя направляют в 1718 г. за границу – в Германию, Голландию, Англию и Францию. Во Франции он начинает обучение в Парижской академии наук, где его наставниками были известный организатор науки президент Академии Ж.-П. Биньон, астроном де Лафай, математик П. Вариньон, специалист художественного точения Ж. Пижон и другие. В 1720 г. Нартов возвращается в Петербург и продолжает работу по модернизации российского машиностроения и строительству новой техники. Рвение молодого таланта было отмечено: в числе немногих избранных Пётр I удостоил Нартова золотой медали с собственным изображением и стал крёстным отцом его сына. После смерти императора, поднявшего безвестного юношу на высшие ступени русского общества, Нартов остаётся в высших кругах, однако не пользуется здесь благосклонностью, как раньше, и уже не может продолжать ту многогранную деятельность, которой был занят при Петре. Разовые поручения правительства – вот всё, что ему остаётся в последовавшие после смерти Петра годы. После передачи в 1735 г. токарной мастерской и всех принадлежащих к ней вещей и инструментов Петра Великого в Академию наук и организации там Инструментальной палаты (Механической экспедиции) Нартова назначают её директором – должность, в которой он оставался до конца своих дней. Горячий патриот, Нартов видел национальное унижение русских и, как многие русские, был недоволен засильем иностранцев. К ущемлённому чувству национального достоинства добавились личные обиды, накопившиеся за годы, проведённые в Академии.

Как директор Механических мастерских Нартов, по свидетельству М.В. Ломоносова, «требовал себе и приказных служителей, в чём ему Шумахер весьма препятствовал, опасаясь, чтобы его Канцелярия, не утверждённая указом, а, следовательно, и власть его, не унизилась» [10. С. 276.]. Этот факт также подтверждал сам Нартов [11. Л. 26–27]. Честолюбивый директор Механических мастерских не представлял опасности для Шумахера, пока позиции иностранцев были прочными. Однако как только почва под ногами иностранцев заколебалась, пробудились и опасения шефа академической Канцелярии. В случае смены государственной власти (слухи о которой не переставали будоражить город) Нартов мог занять его место. Большого несчастья для чиновника, озабоченного личной карьерой, придумать было невозможно.

Таким образом, в русском Нартове Шумахер видел прямую угрозу своему положению. Директор Механических мастерских был человеком, близко

знавшим Петра, память о котором благоговейно хранил. В 1741 г. Нартов получил чин коллежского советника и формально сравнялся с Шумахером в ранге. Он, наконец, был известен в придворных кругах и популярен в Академии. Последнему Нартов был обязан, скорее, не личными качествами, о которых сохранились противоречивые сведения, а своей национальной принадлежностью и, конечно же, занимаемой должностью. Что могло помешать такому человеку стать, при благоприятном стечении обстоятельств, руководителем Академии?

Государственный переворот 25 ноября 1741 г. был встречен русской частью Академии с нескрываемым энтузиазмом. Подвергавшиеся систематической дискриминации русские воспрянули и заметно активизировались. Спустя короткое время после знаменательного события на имя императрицы поступила челобитная от Г. Н. Теплова, тогда безвестного переводчика Академии, просившего об адьюнктстве. Документ был помечен декабрём 1741 г. [7. С. 779–780]. В начале следующего, 1742, г. защиты у императрицы стал искать ещё один обиженный русский – солдат лейб-гвардии измайловского полка Фёдор Сысоевич Саблин. Саблин жаловался на произвол Шумахера, называя обидчика «иноземцем» [12. С. 41]. Наконец, в январе–феврале 1742 г. случилось то, что давно ожидали, – началось организованное сопротивление иноземцам.

Сначала Ж.-Н. Делиль (в январе), а затем Нартов (в январе и феврале) подали заявления в Сенат, в которых речь шла об «иноземце» Шумахере [13. С. 43–47; 11. Л. 22–27 об]. В конце документа, хранящегося в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН, сделана запись: «Вторично подана копия февраля... дня 1742 года». Оригинал – донесение от 22 января 1742 г. – был, по всей видимости, отослан в Москву и оставался там. П. П. Пекарский называет точную дату появления копии – 10 февраля [2. С. 327]. Первый документ нами уже анализировался [14. С. 100–101]. На заявлении директора Механических мастерских следует остановиться особо.

Нартов (ко времени описываемых событий ему исполнилось 48 лет) был выдвинут на роль лидера движения объективным положением вещей: русский, сподвижник Петра I, коллежский советник, директор одного из академических департаментов. Правда, он не был учёным (хотя учился в Париже), однако это был такой недостаток, который – по крайней мере, в первое время – помехой в руководстве движением стать не мог. Кроме того, – и это следует особо подчеркнуть – Нартов был лично близок взошедшей на престол императрице. Елизавета росла на его глазах, и Нартов часто забавлял и баловал её [5. С. 48]. Примкнувший к движению профессор Делиль, другой видный его представитель, не мог претендовать на роль лидера уже потому, что был, как и тот, против которого теперь выступал, «иноземцем».

Нартов напоминает сенаторам, «какое неусыпное попечение» о распространении наук имел Пётр Великий, учредивший Петербургскую академию. Великий сей монарх «при первом случае неумедлил потребных и искуснейших профессоров и учителей выписать, регламент выдать, оное основание при себе завести и в действо произвести...» [11. Л. 22]. Всё то, разумеется, «не для одних чужестранных, но паче для своих подданных» делал [11. Л. 22]. Мудрая политика императора была продолжена его супругой, импе-

ратрицей Екатериной I, которая «профессоров и учителей ещё умножить и к лучшему произведению наук премилостивое старание прилагать не оставила...». Существенным моментом её политики было то, что «нужное дело» сие «протекции токмо их величества принадлежало», благодаря чему всё «по начатии порядочно происходило и действие имело» [11. Л. 22 об].

Если даже принять во внимание понятное желание автора польстить самолюбию патриотически настроенных сенаторов, считавших себя продолжателями дела Петра I, то и тогда следует признать, что утверждения Нартова соответствуют действительности. И Пётр I, и Екатерина I действительно создали самые благоприятные условия для развития российской науки. Никогда больше петербургские учёные не были окружены такими вниманием и заботой, как в это непродолжительное время [15. С. 121–131; 16. С. 130–143; 17. С. 5; 18. С. 127–129; 19. С. 257].

Но умер Пётр, не стало Екатерины. Академия начала приходить в упадок. Сегодня она уже «в такое несостояние приведена, что никакого плода России не приносит, кроме единого повреждения» [11. Л. 22 об–23]. Правительство должно узнать об этом. Поэтому он, Нартов, «по должности своей», как один из руководителей Академии и «сын отечества», не может «умолчать, чтоб о том правительствующему сенату не представить» [11. Л. 23].

В чём видит Нартов причину «несостояния» Академии? Исключительно в Шумахере. Шеф академической Канцелярии, по его мнению, с самого начала «скрыл и никому не объявлял» петровского Проекта об Академии, который он, вслед за Делилем, называет «регламентом», то есть документом, официально признанным. Возможно, как и Делиль, Нартов полагал, что исходящее от императора не нуждается в дополнительном подтверждении другими государственными инстанциями и должно приниматься как официально признанное. Этот же документ «надлежало не токмо служителям академии ведать и каждому должность свою знать, но и для других в печать предать...» [11. Л. 23–23 об]. В результате «прежние учителя, не видя его и [мператорского] в [еличества] намерение и усмотря производимые притом непорядки, принуждены были без показания России плода в свои отечества возвратица» [11. Л. 23 об].

Дальше – больше. Скрыв действительные намерения Петра, Шумахер «во все правлении властным учинился» и повёл собственную линию в Академии. Вместо уехавших учёных он, «без указа, собою», стал выписывать и принимать других, определять жалованье и пенсии, часто «не по достоинству» соискателей, чего ему «собою чинить не надлежало». Стал сочинять и подавать в правительственные инстанции «штаты» академические, растрачивая при этом «великие суммы денег», а также писать, «к немалому казённому убытку», «чего не подлежало». *«Приходы и расходы денежные, – старается привлечь внимание сенаторов к наболевшему вопросу автор петиции, – держит под единой своей дирекцией и делает, что хочет, таяся от прочих, и щетов праведных и обстоятельных и донныне в ревизию не даёт»* [11. Л. 23 об–24. Выделено мной. – В. Т.].

Если учесть всегдашнюю нужду Академии в деньгах и связанные с ней постоянные обращения академического руководства в правительство, то желание Нартова возбудить подозрение сенаторов именно в этом вопросе ста-

новится понятным. Академия в плачевном состоянии – факт. Однако не является ли оно следствием неправильного расходования или даже, по свидетельствам очевидцев, например К.-Ф. Шеслера, откровенного разворовывания казённых денег? (Шеслер, немецкий архитектор, который служил продолжительное время в Академии и получил отставку «за правду», прислал из Германии, куда вынужден был возвратиться после увольнения, на имя графа М.Г. Головкина и генерал-адъютанта А.И. Ушакова обстоятельную «реляцию», в которой сообщил о существующей в Петербургской академии «конфузии» хищения государственных средств. Документ был передан в Сенат.) [20. С. 522–523]. В правительстве, следовательно, было известно о финансовых махинациях в Академии – такой вопрос не мог не возникнуть в головах чиновников после прочтения донесения Нартова. Не случайно, когда делу был дан ход, от советника потребовали разъяснений – предоставления конкретных фактов финансовых злоупотреблений Шумахера. И Нартов должен был организовать сбор соответствующей информации с помощью своих сторонников, имевших отношение к финансовой деятельности Академии по должности. Так появился на свет второй пакет документов против Шумахера – донесения комиссара Михаила Камера, канцеляриста Дмитрия Грекова и копииста Василия Носова (который в исторической науке долгое время ошибочно считали «второй частью» донесения Нартова) [2. С. 326–327. Прим. 2].

Нартов обвиняет Шумахера в недобросовестности, обмане, игнорировании национальных задач, нецелевом, как мы теперь сказали бы, расходовании бюджетных средств, преследовании русских, халатном отношении к сохранности национальных культурных ценностей. «Для показания себя в свете» задумал издать «описание академического установления... что и в действо произвёл». Что ж вышло? В книге оказалось много лжи. Так, он написал, что намерение Петра Великого было Академию художеств «подчинить академии наук, чего не бывало» и о чём имеется хранящийся у него документ с пометками «собственной его и [мператорского] в[еличества] руки». На Академию же художеств, которую Пётр предполагал учредить отдельно, «и сумма особливая была определена, а он, Шумахер, оную на другое употребил...» [11. Л. 24 об–25].

Действительно, Пётр не предполагал соединить Академию наук и Академию художеств. Нартов прав, утверждая это. Это обстоятельство русский инженер, как видно, специально обсуждал с Делилем, выступившим его союзником в начавшейся борьбе. Последний в своём донесении специально разоблачал утверждение шефа академической Канцелярии о якобы предполагаемом намерении Петра I объединить академии в одно целое [14. С. 137–138]. О том, почему это произошло, почему Академия наук и Академия художеств слились в один научно-производственный комплекс, каким на деле стала Петербургская академия вскоре после основания, мы уже рассказывали. Оно явилось прямым следствием целенаправленной политики тогдашнего правительства России, с самого начала поставившего науку под свой контроль [14. С. 24–59].

В ту же книгу, продолжает автор, «включил» («без указу!») почётных членов 23 человека. «А в... (действующем. – В. Т.) штате написано 14» [11. Л. 24 об–25]. Пишет также, «будто гражданская типография, словолитная и

прочее произведены старанием его. А оные ещё прежде... чрез многотрудные его в[еличества] изобретения, действительно имелись». «Я по высочайшей е[ё] и[мператорского] в[еличества] милости в той академии нахожуся членом, а он, злости ради, с прочими и не включил» [11. Л. 25].

Автор документа явно идёт против истины. Он не являлся членом Академии, как утверждает; он был её служащим – директором Механических мастерских. Членами Академии являлись те служащие, которые занимались наукой и научными исследованиями, что периодически подтверждалось представлением соответствующих научных работ и диссертаций — специменов. Нартов же, несмотря на кропотливые занятия конструкторской деятельностью, научной продукции не представлял и диссертаций не защищал. Всё это и послужило основанием для Шумахера не включать директора Механических мастерских в число членов Академии [Один из членов следственной комиссии по делу Шумахера, граф Н. Ф. Головин, усомнившийся в способности Нартова управлять Академией и предлагавший императрице подумать о приискании ему соответствующего помощника, справедливо писал: «Он, Нартов, в знании чужестранных языков необыкновенен, а писать и читать не умеет [вовсе] и в пристойных ко оной Академии учениях не был, ибо, кроме токарного художества, [ничего] не знает. А при такой Академии надлежит командиру быть, который бы в некоторых ...учениях, а паче в чужестранных языках знающ был, без чего над оною Академиею у содержания команды одному советнику Нартову быть весьма недовольно» [2. С. X. Прим.]. Что делать, не только учёных, но, как видно, и своих чиновников соответствующего профиля Россия тогда не имела. Однако в данном случае важно не это, а другое обстоятельство — обида Нартова на то, что его обошли вниманием. Соперничество между шефом академической Канцелярии и директором Механических мастерских на почве личных отношений, на которое указывал автор «Краткой истории о поведении Академической Канцелярии», имело место быть.

Продолжая тему, которую поднял, Нартов рассказывает о том, как Шумахер препятствовал ему в выполнении заданий по его Экспедиции, для которой указом Сената был определён специальный штат канцелярских служащих — секретарь, канцелярист и копиист. Казалось бы, дело ясное. Однако шеф академической Канцелярии нашёл способ помешать его исполнению. «Злобясь» на то, что решение принято «мимо ево», он «означенным служителям ...жалованья надлежащего не даёт, о[т]говариваясь, будто суммы недостаёт...» [11. Л. 25–26 об] Опять же, пользуясь неопределённостью статуса Механической экспедиции и отсутствием твёрдого академического штата, не позволяет заполнить вакансию умершего секретаря [11. Л. 26 об–27].

Последняя история случилась незадолго до описываемых событий. Умер Степан Коровин – академический переводчик, назначенный секретарём Механической экспедиции, и Нартов обратился в Сенат с просьбой о замещении вакансии. Узнав об этом, Шумахер попытался помешать осуществлению плана конкурента. В Сенат было направлено письмо, в котором шеф академической Канцелярии просил «не определять» нового секретаря до тех пор, пока Академия не получит «резолюцию» «на поданное ...в кабинет ...представление о[б] учреждении и постановлении академического штата» [7. С. 736]. Имелось в

виду «представление» президента К. Бреверна от 16 марта 1741 г. [7. С. 614–616]. Об этом противодействии интересам его ведомства и рассказывает автор донесения.

Нартов обращает внимание правительства на антинациональный характер деятельности Шумахера, с именем которого связывается поворот в сторону усиления влияния иностранцев и, наоборот, ослабления позиций русских. *«Выписанные им, Шумахером, профессеры какое в собраниях имеют разсуждение, то всё выдают в печать на чюжестранных диалектах, – сообщает он, – а прежние выдавали на российском диалекте... и чрез то любопытные (то есть любознательные. – В. Т.) люди пользовались, а ныне оное закрыто, и обучение российского народа молодых людей оставлено»* [11. Л. 25. Выделено мной. – В. Т.]. По свидетельству Нартова, Шумахер *«производит в науках [лишь] чюжестранных, в которых российской империи никакой пользы быть не может, кроме единого казённого убытка...»*, и которые (став учёными и заработав немалые деньги), *«по [прошествии] времени, имеют (могут. – В. Т.) бежать в свои отечества. А российского народа людей в чюжих краях обучают всегда на своём или на казённом же коште...»* И хотя можно было бы «изыскать учёных несколько членов из россиян, но того ему ...в память не приходит и слышать не хочет... И чрез такие непорядки и нерадение никто из российских людей в науках никаких в профессоры с начала академии ...и поныне не произведён» [11. Л. 25. Выделено мной. – В. Т.].

Данный отрывок показывает, как русские воспринимали перемены, происшедшие в Академии со времён императрицы Екатерины I, когда прибывшие в Россию профессора участвовали в публичных ассамблеях, а экстракты из их выступлений печатались в газетах, издававшихся на русском языке. По свидетельству Г.-Ф. Миллера, такого рода государственные мероприятия (на которых присутствовали первые лица страны) собирали большие аудитории [21. С. 9–11, 69–73] и, несомненно, привлекали к Академии (а – через неё – и к науке в целом) живой общественный интерес [16. С. 130–135; 18. С. 128]. Нартов помнил об этом времени и, как видно, сожалел об утрате нововведения. Публичные ассамблеи канули в Лету вместе с Екатериной I, продолжившей дело Петра I. По сравнению с этим «светлым» (для русских) периодом в истории Академии последующие годы воспринимаются как «тёмные»: прежние возможности, когда любознательные русские свободно «пользовались» знаниями иностранцев, исчезли, наука вновь стала «закрытой».

Однако изменилось не только это; не только наука оказалась закрытой. *Изменилось понимание назначения Академии, создававшейся для того, чтобы готовить русских учёных. В результате в русской Академии «производят» учёных, которые, по прошествии времени, вольны «бежать в свои отечества».* Иначе говоря, *не наладив производства собственных, Россия стала производить учёных для чужих стран!* Причём – за собственные деньги! А русские? Где они? Увы, «никто из российских людей в науках никаких в профессоры с начала академии ...и поныне не произведён». А.К. Нартов был первым из русских, кто не только осознал сам, но и указал другим на антинациональный характер деятельности Академии. И, надо сказать, он был услышан. В том, что новым президентом Академии станет, во-первых, россия-

нин, во-вторых, пекущийся о национальных и государственных интересах, будет и его заслуга.

Между тем ситуация, действительно, была парадоксальной. Россия работала на международную науку, забыв о собственной. В Академии исправно появлялись новые профессора из числа студентов, однако русских среди них не было. Зачем России нужна была такая Академия? Чтобы, спустя годы, гордиться тем, что на её земле были написаны знаменитые «Гидродинамика» и «Флора Сибири»? Однако не слишком ли высокую цену заплатила она за такую честь? «...Какая из того польза и ...слава отечеству приобретена быть может, — резонно ставил вопрос Н. И. Панин, — что десять или двадцать человек иностранцев, созданные за великие деньги, будут писать на языке, весьма не многим известном? Если бы крымский хан ...дал цену и к себе таких людей призвал, они б и туда поехали и там писать бы стали...» [22. Стб. 37–38]. Вопросы, как видим, возникают не на пустом месте. Они имеют право на существование. Имеют потому, что цена действительно оказалась непомерно высокой. Однако это уже проблема не Нартова (обнажившего неприятную правду более чем два с половиной столетия назад) и, тем более, не тех, кто думают сегодня так же, как и он, а, скорее, правительства, которое несло (не могло не нести!) ответственность и за состояние, и за то, что происходило в Академии в тот непростой период.

Горячий патриот своей страны, убеждённый «государственник», прошедший суровую школу Петра I, Нартов не мог примириться с политикой, которая проводилась в Академии все последние годы, и ввязался в борьбу. А поскольку противной стороной были «немцы», то главный удар обрушился на них. Шумахер, который вместе с президентом Л. Блюментростом стоял у истоков «академической бирюзовщины» и был её опорой и проводником, был определён Нартовым как главный виновник. Так получилось, что коллежский советник взялся защищать интересы ущемлённых в национальных правах представителей академических «низов» (к которым тогда принадлежало подавляющее большинство русских). И это его качество выразителя интересов русского большинства окажется востребованным прежде всего.

Нартов сообщает о ставших нормой задержках в выплате жалованья, связывая их исключительно с «употреблением ...денег не на принадлежащие расходы» [11. Л. 26], указывает на халатность шефа академической Канцелярии в содержании Библиотеки и Кунсткамеры, в результате которой гибнут и утрачиваются национальные культурные ценности [11. Л. 27–27 об]. Прося «принять» и рассмотреть его петицию в Сенате, автор документа замечает, что рассказал лишь то, что ему как директору Механических мастерских известно. «...Многое же мне и неизвестно, — заключает он, — понеже он, Шумахер, много делает сам собою один, скрывая прочее, о чём, ежели повелено будет, особая комиссия изследовать всё открыто может» [11. Л. 27 об. Выделено мной. — В. Т.]

Таким образом, документ имел явную политическую направленность. Речь шла о необходимости отстранения Шумахера от власти. Используя благоприятную политическую ситуацию, Нартов, как и Делиль, стремился вызвать недоверие к деятельности Шумахера в правительственных кругах и

добиться назначения специальной комиссии для расследования её результатов, что ему в последнем счёте и удалось.

Об обращениях Нартова и Делиля, переданных в Сенат, было доложено, по всей видимости, Двору, так как летом того же года Нартова затребовали в Москву, где тогда, по случаю коронации, находилась Елизавета. Отправившись в командировку, советник захватил с собой жалобы академических служащих, в числе которых были комиссар М.С. Камер, переводчики И.С. Горлицкий и Н.И. Попов, канцелярист Д. Греков, копиисты В. Носов и И. Пухорт, ученик гравёра А. Поляков, студенты П. Шишкарев, С. Старков и М. Коврин [12. С. 377, 590]. Столь пёстрый социальный и национальный состав «доносителей» свидетельствовал о широком недовольстве Шумахером в Академии. Директор департамента, профессор, три канцелярских служащих, два переводчика, один служащий Гравировальной палаты, три студента, из которых («доносителей») один был французом, один немцем и девять — русскими. По всей видимости, комиссар М. С. Камер иностранцем не был. Во всяком случае «своим» иностранцы его не считали. Так, составляя список иностранных служащих Академии, Шумахер не включил в неё Камера [7. С. 737–741]. Объединить столь разнородный состав могли лишь очень разные причины.

Какие? Если верить выводам следственной комиссии, специально изучавшей вопрос, то картина будет следующей. Нартов, по мнению членов комиссии, был недоволен тем, что Шумахер жалованья ему не давал в полном объёме и что деньги, определённые на Академию художеств, «на другое употребление ...взял» [12. С. 590–591]. Делиль также «доносил» «из злости»: «Шумахер ему жалованья ж не давал» [12. С. 591]. Камер, помимо «большого жалованья», рассчитывал, оказывается, на получение «ранга», в котором Шумахер ему отказывал [12. С. 590]. Греков мстил Шумахеру за то, что, будучи уличён «в сочинении ложного контракта», от Академии был «отрешён» [12. С. 590]. Носов, похоже, вообще испытывал тягу к доноситељству, так как ранее уже «был по некоторым делам в тайной канцелярии под следствием» [12. С. 590]. Горлицкий негодовал на Шумахера за то, что «в профессеры не произведён» [12. С. 590]. «Грыдоровального художества подмастерье» Поляков был обижен тем, что ему «мало жалованья дают» и что «Шумахер его собою ко оному художеству определил» [12. С. 590]. Пухорт не мог простить Шумахеру того, что «его в студенты не произвели» [12. С. 590]. Шишкарев, Старков и Коврин присоединились к остальным потому, что «им мало жалованья дают и ...математике и астрономии не обучают» [12. С. 590]. Наконец, Попов «доносил» «за то», что «ему жалованье ...малое производят» [12. С. 590].

Выводам следственной комиссии не во всём можно доверять. Явным пристрастием отдаёт, например, определение причин недовольства Шумахером Делиля, списанное, несомненно, со слов шефа академической Канцелярии. Учёный, как мы видели, активно выступал против Шумахера потому, что видел в нём главное препятствие на пути демократического развития Академии [14. С. 72–74, 76–77, 86–98 и др.]. Точно так же обстоит дело с объяснением мотивов участия в движении Попова. Однако в остальном на-

блюдения членов следственной комиссии соответствуют действительности. Отсюда, между прочим, следуют два вывода.

Во-первых, тот, что каждый из жалобщиков – назовём их так – действительно имел свои, сугубо личные причины быть недовольным Шумахером. Иначе не могло быть. Немотивированное участие в таком масштабном событии, каким являлось движение, невозможно представить. Во-вторых, – и это главное – *причины имели общую природу.*

Практически все участники движения были недовольны Шумахером как руководителем Академии. Конечно, Делиль был недоволен Шумахером прежде всего как защитником академической бюрократии и бюрократических порядков. Нартов, Горлицкий, Попов, Поляков, Шишкарев, Старков и Коврин были недовольны Шумахером в первую очередь из-за его антирусской политики [В качестве ещё одной причины можно было бы назвать соперничество за власть (Шумахер – Нартов, Шумахер – Делиль), однако в данном случае оно, по всей видимости, играло второстепенную роль]. Однако все они сходились в том, что Шумахер есть «главная причина всем при Академии неполадкам», как точно выразились однажды профессора. Шеф академической Канцелярии, таким образом, стал для них объединяющим началом.

Покоившаяся на столь шатком основании коалиция, конечно же, не могла быть прочной. Слабость её обнаружилась очень скоро. Уже через несколько месяцев после подачи январских петиций, «прежде ещё отъезда Нартова в Москву» (состоявшегося в августе 1742 г.), от союза «отстал и объявил тайно Шумахеру всё их намерение» подканцелярист Худяков [10. С. 277]. Затем испортились отношения Нартова с Делилем. Г. Гейнзиус в письме к Л. Эйлеру от 8 декабря 1742 г. писал, что Делиль не достиг своей цели, он уже поссорился с Нартовым (хотя оба, как и прежде, поддерживают жалобщиков) [23. С. 77]. Оба жалобщика, Нартов и Делиль, перессорились между собой, «потому что ни один не хочет уступить другому», – сообщал тому же адресату в письме от 5 января 1743 г. другой очевидец событий – Г.-В. Крафт [23. С. 145]. Изменилось отношение к союзу русских, у которых возобладали выраженные национальные мотивы. Словом, произошло то, что неизбежно должно было произойти, – коалиция распалась.

Последствия процесса были двоякими: уходили одни, приходили другие. Ушли те, кто, разобравшись в сути происходящего, разочаровался в движении; пришли те, кто первоначально не разглядел его действительные цели. Так, стезю борьбы, на которую их подвигли январские обращения, оставят Худяков, Делиль, Камер, зато их места займут новые лица, оставшиеся вначале в тени, – адъютант М. В. Ломоносов, член Российского собрания В.К. Трелиаковский, служащие академической типографии, художественных мастерских и другие. Приходить будут исключительно русские, которые увидят в движении отражение своих кровных интересов и которые станут его действительной силой и действительными выразителями. По мере углубления национального характера движения, перерастания его из антишумахерского в антинемецкое этот приток значительно возрастет.

О заявлениях, поданных в Сенат, стало известно. Шеф академической Канцелярии, которого случившееся касалось более других, не на шутку встревожился. Сближение двух главных его противников, Нартова и Делиля,

не предвещало ничего хорошего. Стараясь предупредить возможные обвинения против себя как руководителя (которые действительно последовали), Шумахер подписал распоряжения об увольнении из Академии части служащих, дальнейшее пребывание которых, как он полагал, могло отрицательно сказаться на его карьере [12. С. 64–66, 66–67]. Почти все уволенные были немцами. Часть из них, правда, вскоре вновь была восстановлена в прежних должностях [12. 64–66, 66–67, 73–74, 94–95, 140, 286–287].

Спустя некоторое время, не дожидаясь развязки, Шумахер перешёл в наступление. 2 июня он направил в Сенат донесение, в котором пытался бросить тень подозрения на Делиля, фактически обвинив его в шпионаже [12. С. 245–249]. Формальным поводом для доноса послужила история со студентом Тобиасом Кёнигсфельсом, отказавшимся выполнять распоряжения Канцелярии и подвергнутым за это аресту [12. С. 69, 126–127, 129, 131, 132–139, 143, 143–145, 147–148, 245–249, 250, 251, 261, 275–276]. Заметив сенаторам (распорядившимся об освобождении Кёнигсфельса из-под ареста), что они подают дурной пример, «не исследовав дела, подкреплять в своём упорстве подчинённых», шеф академической Канцелярии открывает истинные причины истории. Оказывается, «студент Кёнигсфельс *арестован* ...не только заслушание команды, но и для того, чтоб узнать у него, не подучен ли он на то от профессора Делиля, на которого академия наук в том праведное подозрение имеет...» [12. С. 246. Выделено мной. – В. Т.]. Подытожив все прошлые прегрешения француза (из которых самым серьёзным было, по-видимому, замеченное «дружеское ...обхождение» учёного «со шпионом Лакателлием»), Шумахер сообщает, между прочим, что «с господином советником Нартовым, которого он (Делиль. – В. Т.) всячески прежде поносил, обходится он ныне весьма дружно, в таком токмо намерении, чтоб *при академии произвести несогласия и замешательства и на честных людей подать подозрение*, что всё в своё время окажется» [12. С. 249. Выделено мной. – В. Т.]. «Чего ради, — заключал автор документа, — *надлежит почти думать, не подкуплен ли он от кого, чтоб академию опровергнуть и тем причинить вред и безславию государству*» [12. С. 249. Выделено мной. – В. Т.].

Свидетельства Шумахера примечательны в двух отношениях. Во-первых, они подтверждают самый факт союза Нартова с Делилем. Во-вторых, — и это главное — они указывают на то, что целью союза было намерение «при академии произвести несогласия и замешательства» и бросить подозрение «на честных людей», под которыми шеф академической Канцелярии имел в виду прежде всего себя. Таким образом, он сам определил характер начавшегося движения как антишумахерский, то есть направленный против него лично. Сам того не подозревая, Шумахер признался, что ожидает разоблачения собственной «нечестности». Следы беспокойства по национальным мотивам здесь напрочь отсутствуют.

Не менее бурную реакцию вызвало известие у рядовых служащих Академии, сочувственно относившихся к Нартову и его делу. Многие годы они испытывали гнёт шумахеровой диктатуры и с нетерпением ожидали её окончания. Петиции ещё изучались в Сенате, а они уже, кажется, поверили в то, что с ненавистным режимом покончено.

6 июня Шумахер получил рапорт от И.-Ф. Розе, наборщика типографии, временно исполнявшего обязанности надзирателя [12. С. 254–255]. В документе сообщалось о ситуации в типографии, которая, на взгляд автора, является опасной. Вначале Розе касается событий, имевших место в последнее время. В прошлых моих рапортах, указывает он, я сообщал, что *«русские наборщики всегда почти то время, в которое им работать долженствовало, в бездельных разговорах препровождают, а когда я им то, по моей должности, воспрещать буду (следовало: стану, начну. – В. Т.) или производить, чтоб не говорили, то они меня за то не только непотребными словами ругают, но и боем бить ...отваживаются...»* [12. С. 254. Выделено мной. – В. Т.]. Розе напоминает, что об этих неутешительных фактах он уже «репортовал» в академическую Канцелярию [12. С. 254. Выделено мной. – В. Т.].

Поведав о делах текущих, надзиратель переходит к главному. Русские наборщики, свидетельствует он, *«всегда почти пьяны и работу отправляют не по-надлежащему, но станки лишь ломают, и не можно успеть одного починить, когда у них и другой уже изломан будет. ...входящие в типографию дела, которые должно ... тайно содержать, выходят в народ и пропадают из рук, так что никак от того уберечься нельзя...»* [12. С. 254–255. Выделено мной. – В. Т.]. Розе просит освободить его от ставшей небезопасной должности и определить «на прежнее место наборщиком». «Понеже типография до всех почти мастеровых академических палат касается, — объясняет он своё решение, — то надзиратель над оной, ежели он в должности своей исправно поступать будет, подвержен великим опасностям и заботе...» [12. С. 255].

Свидетельства И.-Ф. Розе не нуждаются в комментариях: их смысл очевиден. Русским служащим типографии стало известно о предпринятой против Шумахера коллективной акции, и они — саботажем — стали выражать солидарность с ней. Однако в данном случае важнее другое — национальная природа конфликта. *Выступление против Шумахера русские восприняли как сигнал к борьбе с иностранным засильем.* Ведь шеф академической Канцелярии, против которого в данном случае была направлена акция, являлся одновременно и главным представителем интересов иностранцев (президент в Академии отсутствовал), прежде всего немцев, из которых в значительной степени состоял также академический бюрократический аппарат. Одним из представителей этого аппарата был надзиратель академической типографии И.-Ф. Розе. Русские наборщики ясно видели эту связь. Для них, следовательно, Розе был не просто представителем академической администрации, её, так сказать, дремлющим оком, но и, не в последнюю очередь, представителем враждебной им партии.

Склонностью к мелочной опеке, которую можно заметить у немецкого служащего (и которая, видимо, послужила основанием для его назначения на должность надзирателя), можно объяснить *напряжённость его отношений с подчинёнными.* Однако крайнюю их остроту («боем бить ...отваживаются») и, уж тем более, национальную окрашенность события объяснить одним только педантизмом немецкого надзирателя невозможно. Здесь присутствуют мотивы более глубокого свойства. Не случайно Розе опасается проявлений подобной ненависти не только со стороны подчинённых ему служащих

академической типографии, но и со стороны не состоящих в его «команде» служащих «всех почти мастеровых академических палат», которых «типография ...касается» [12. С. 255]. Следовательно, антинемецкие настроения охватили всю Академию.

Посчитав тревогу, поднятую надзирателем, преждевременной, Шумахер приказал Розе оставаться у прежних дел и продолжать исполнять свои обязанности [12. С. 267–268]. Хладнокровие, с которым было отдано распоряжение, объяснялось, по всей видимости, уверенностью шефа академической Канцелярии в благополучном исходе дела. Что давало такую уверенность? Во-первых, Шумахер (как можно предположить) уже уведомился о планах заговорщиков и наверняка принял контрмеры. Подканцелярист В. Худяков, благодаря которому шеф академической Канцелярии узнал о готовившейся против него акции, «отстал» от коалиции, как уже было сказано, ещё до отъезда Нартова в Москву [10. С. 277]. Во-вторых, уверенность шефа академической Канцелярии проистекала из такого факта, как поручительство влиятельных покровителей, которым, по свидетельству того же М. В. Ломоносова, он «писал в Москву» [10. С. 277]. Наконец, – и это, по всей видимости, было главным – надежду, что собравшиеся над головой тучи рассеются, всеяло поведение Сената, не спешившего выносить решение по делу «доносителей».

Как бы то ни было, бесспорным остаётся факт: вплоть до 7 октября, когда его отстранили от должности, Шумахер не проявлял беспокойства. Эту дату называет сам Шумахер в своём «Житии» [24. Л. 335]. Следуя принципу: лучшая защита – нападение, он атаковал сам и заставлял переходить в наступление других – тех, кто выступал его союзником по антирусскому блоку. В отместку за неподчинение Канцелярии Шумахер под надуманными предлогами перестал выплачивать жалованье главным «доносителям» — Нартову и Делилю. Первому было отказано в выплате причитавшейся ему за советничий ранг надбавки, составлявшей ровно половину жалованья [12. С. 316–317, 329–335]. Второй лишился жалованья вообще [12. С. 314–315]. Оба преследуемых жаловались в Сенат и в Статс-Кантору, и Шумахеру пришлось держать ответ, почему он так поступает [12. С. 313–316, 316–317, 329–335]. Давая объяснения своим действиям, шеф академической Канцелярии продолжал линию на дискредитацию своих врагов.

Нартов, по мнению Шумахера, не выполнил главного, для чего был принят в Академию, — не завершил работу над Триумфальным столпом (на котором предполагалось увековечить подвиги Петра Великого). «Сего великого и важного дела, — писал он в Сенат, — не только не окончал, но и чрез шесть лет оно не начинал; а между тем *трудился на артиллерию в сверлении пушек и на партикулярных людей делал новые вещи и старые обретающимися в его ведомстве академическими служителями починивал, не спрашиваясь Академии наук...*» [2. С. IX. Выделено мной. — В. Т.] Кроме того, замечал шеф академической Канцелярии, Нартов пожалован советником не в научное учреждение (каковым является Академия наук), где, «не зная чужезанных языков и свободных наук ...быть не можно», а в Инструментальную палату, которая «есть художество, равно как литьё колоколов, сверление пушек...» и прочее [2. С. IX].

Возможно, это был единственный случай, когда шеф академической Канцелярии пожалел, что соединил вместе Академию наук и Академию художеств. Ведь поступи он иначе, не пришлось бы защищаться от попавшего на его беду в Академию Нартова. Что поделаешь — всего предусмотреть не мог даже он, талантливый представитель российской бюрократии.

В отношении Делиля взята более жёсткая линия. В донесении от 17 августа Шумахер сообщал, что учёный разглашает государственные тайны («астрономические свои наблюдения, не объявляя их Академии наук, сообщил в чужие края»), не выполняет своих служебных обязанностей по Академии («тому уже третий год, как он ...в конференцию с профессорами не ходит, в канцелярию не является и никаких своих дел ей не сообщает») и всячески препятствует работе по составлению генеральной карты Российской империи [12. С. 313–315]. Желая придать убедительность фактам, шеф академической Канцелярии привлекает в свидетели Л. Эйлера, Х.-Н. Винсгейма и Г.-В. Крафта, в разные годы сотрудничавших с Делилем и давших соответствующие показания [12. С. 315–316, 342, 344–345].

10 сентября, отвечая на очередной запрос Сената о профессоре (о «непорядках» Делиля «куда представлено было ль? Буде же представления не было, — для чего, и кем то так долговременно отпущено?» [12. С. 327]), шеф академической Канцелярии просит употребить власть и заставить учёного подчиниться руководству Академии. Канцелярия, писал Шумахер, «всепокорно просит о посылке к нему, Делилю, указа, дабы он, по примеру советника Нартова, канцелярию академии наук о состоянии своей команды, о потребных в оную материалах и о прочем месячными и другими ведениями репортовал, и оный бы так же, как советник Нартов, послушен был» [12. С. 340]. «Он, Делиль, — сообщал автор документа, — с самого отъезда советника Нартова в Москву ни одиножды в канцелярии академии наук не бывал и академию ни о чём не репортовал. *А между тем ведомства механической экспедиции служители все праздны, а многие и к работе своей не приходят...*» [12. С. 340. Выделено мной. — В. Т.].

Требую послушания Делиля, шеф академической Канцелярии имел в виду сенатский указ от 13 августа 1742 г. о командировке Нартова в Москву, временно передававший «смотрение» над Механической экспедицией французскому учёному [См.: 12. С. 307]. 31 августа Шумахер попытался получить от нового директора известие: «на каких кондициях ...Нартов ему ...команду свою оставил и вручил» и что он «по принятии команды чинит и какие работы предпринимать будет» [12. С. 326], однако ответа не получил. Тогда он стал просить Сенат об изменении решения в части, касавшейся директорства Делиля. Однако в указе от 31 августа Шумахеру было приказано «объявленного профессора Делиля от ведомства и смотрения команды советника Нартова не отрешать...» [12. С. 327]. Усилия шефа академической Канцелярии, таким образом, успехом не увенчались.

Ветер перемен устойчиво дул в направлении, которым шли участники движения. Ознакомившись с донесением Нартова и жалобами других академических служащих (которые с некоторых пор также стали появляться), Сенат счёл дело серьёзным и решил передать его на рассмотрение императрице. Лидер русских был командирован в Москву [12. С. 307], его сторонники с

нетерпением стали ожидать результатов. И.С. Горлицкий, который, как и Нартов, горел желанием «отнять» Академию у иностранцев, в письме к последнему от 14 сентября 1742 г. писал: «Что же о нас — благодатию Божиею до сего числа здравы пребываем, ожидая тщанием вашим милости всещедрого Бога чрез помазанницу его получить, а супостатов ходатайством Пресвятыя Богородицы и всех святых *под ноги верных рабов и сынов российских покорить дай, Боже!*...» [1. С. 35. Выделено мной. — В. Т.]. Шефу академической Канцелярии ничего не оставалось, как просить Бога о противоположном.

Обстоятельства пребывания Нартова в Москве неизвестны. Можно лишь предположить, что он был принят императрицей и во время личной встречи вопрос по делу был решён. Итоги визита были благоприятными. 30 сентября Елизавета распорядилась назначить следственную комиссию, в которую вошли видные государственные деятели — действительный камергер и президент Коммерц-Коллегии князь Б. Г. Юсупов, комендант Петербурга генерал-лейтенант С. Л. Игнатъев и (в качестве председателя) адмирал граф Н.Ф. Головин [1. С. 35]. Столь представительный состав должен был подчеркнуть важность, которая придавалась делу.

И действительно, побуждаемая императорским указом комиссия, по меткому выражению М. В. Ломоносова, «зачалась ...горячо» [10. С. 277]. 7 октября Шумахер был отстранён от занимаемой должности и подвергнут домашнему аресту, длившемуся до конца 1742 г. Вместе с ним были «взяты под караул» [10. С. 277] три его ближайших помощника — нотариус Я.-Г. Гофман, бухгалтер Книжной лавки С. Прейсер и канцелярист Ф.-Г. Паули. Директором академической Канцелярии стал Нартов [12. С. 376–380].

Усилия, таким образом, принесли результаты. Цель была достигнута. Власть в Академии перешла к русским.

Литература

1. *Пекарский П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1870. Т. 1. 774 с.
2. *Пекарский П.* История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб.: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1873. Т. 2. 1042 с.
3. *История Академии наук СССР*: В 3 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 483 с.
4. *Радовский М. И. М. В. Ломоносов и Петербургская Академия наук.* М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отделение, 1961. 335 с.
5. *Загорский Ф. Н.* Андрей Константинович Нартов. 1693–1756. Л.: Наука, 1969. 166 с.
6. *Невская Н. И.* Никита Иванович Попов. 1720–1782. Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1977. 110 с.
7. *Материалы для истории Императорской Академии наук (далее Материалы).* СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. Т. 4. 824 с.
8. *Копелевич Ю. X.* Материалы к биографии Леонарда Эйлера // Историко-математические исследования. М., 1957. Вып. 10. С. 9–65.
9. *Эйлер Л.* Письма к учёным / Сост. Т. Н. Кладо, Ю. X. Копелевич, Т. А. Лукина; Под ред. В. И. Смирнова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 397 с.
10. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 10. 934 с.
11. *Высокоправительствующему Сенату от Академии наук советника Андрея Нарто-*

ва доношение (22 января 1742 года) // Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (далее ПФА РАН). Ф. 20. Оп. 1. Д. 1. Л. 22–27

12. *Материалы*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1889. Т. 5. 1067 с.

13. *Пекарский П.* Отчёт о занятиях в 1863/64 годах по составлению истории Академии наук // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1865. Т. VII. Приложение. № 4. 72 с.

14. *Турнаев В. И.* У истоков демократических традиций в российской науке. Очерки истории русско-немецких научных связей. Новосибирск: Наука, 2003. 200 с.

15. *Копелевич Ю. Х.* В дни основания // Вестник АН СССР. 1973. № 10. С. 121–131.

16. *Копелевич Ю. Х.* На раннем этапе // Вестник АН СССР. 1974. № 2. С. 130–143.

17. *Копелевич Ю. Х.* Первый президент Петербургской Академии наук Лаврентий Блюментрост // St.-Peterburgische Zeitung. 1992. № 16. С. 5.

18. *Копелевич Ю. Х.* Санкт-Петербургская Академия наук и власть // Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Российская Академия наук. Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Санкт-Петербургский филиал, 2003. С. 122–156.

19. *Winter E. L.* Blumentrost d. J. und die Anfänge der Petersburger Akademie der Wissenschaften. Nach Aufzeichnungen von K. F. Svenske // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Brl.: Akademie-Verlag, 1964. Bd. 8. S. 247–269.

20. *Материалы*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1886. Т. 3. 898 с.

21. *Материалы*. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1890. Т. 6. 636 с.

22. *Порошин С.* Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича. СПб.: Типография В. С. Балашева, 1881. 635 с.

23. *Die Berliner* und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers. Teil III. Wissenschaftliche und wissenschaftsorganisatorische Korrespondenzen 1726–1774 / Hrsg. u. eingeleit. v. A. P. Juškevič u. E. Winter zum Druck vorbereitet v. P. Hoffmann, T. N. Klado u. Ju. Ch. Kopelevič. Brl.: Akademie-Verlag, 1976. 408 s.

24. *Житие* советника Шумахера // ПФА РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 795. Л. 328–336.